

Усадьба помещика и фабриканта Рыжова отстояла от его фабрики всего на полтора километра, но хозяин не привык ходить пешком. Утром кучер Григорий отвозил его на фабрику в удобной коляске, а к вечеру приезжал за ним.

Лошадей у Рыжова было много, но ездил он только на своей любимице — вороной, тонконогой и горячей Ласточке.

Однажды — это было летом 1907 года — кучер Григорий чистил в дверях конюшни Ласточку. Кобылица нетерпеливо перебирала ногами, но два ремня, протянутые с двух сторон от недоуздка к притолокам двери, держали её на месте.

Сынишка Григория, восьмилетний Гришутка, бегал во дворе и вдруг увидел возле конюшни дядю Серёжу — старого друга отца, рабочего с фабрики Рыжова.

Из разговора старших Гришутка знал, что на фабрике забастовка и полиция уже арестовала «зачинщиков». Он подбежал поближе, чтобы послушать, о чём будет говорить отец с дядей Серёжей.

— Какие новости? — тихо спросил отец, продолжая водить скребницей по лоснящейся спине Ласточки.

Дядя Серёжа огляделся, зашёл в конюшню и стал за дверь, чтоб его не видели со двора.

— Бастуем,— сказал он так же тихо,— человеческой жизни добиваемся! Управляющего и мастеров — тех, что не с нами,— на тачке с фабрики вывезли. Сами — ворота на запор! — дядя Серёжа засмеялся.— На свою голову обнёс хозяин фабрику заборищем! Да ещё гвоздей сверху понатыкал! Поди достань нас теперь!

— Та-ак,— ещё тише произнёс отец и, помолчав, сказал: — Слышал я, хозяин грозил: если не прекратите забастовку, завтра к вечеру казаков на фабрику пригонят.

— Того и ждём,— прошептал Сергей,— и ружей на такой случай запасли, да только...

Но тут Григорий вдруг увидел сынишку.

— А ну-ко, Григорий Григорьевич, нечего тебе тут делать, ступай-ка, ступай!

Гришутка нехотя отошёл, но, только отец отвернулся, снова на цыпочках подкрался к двери.

— Хозяин сам их вам привезёт. Сам! Понятно? — говорил отец.

— Как так? — удивлённо спросил Сергей.

— Увидишь. Чуть стемнеет, неси сюда весь запас. Они ещё пошептались недолго.

— Ну,— весело сказал дядя Серёжа,— если выйдет дело, зададим же мы перцу и хозяину, и полиции!

Гришутка из всего этого разговора понял только одно: рабочие зададут перцу полиции! Забыв об отце, он на радостях сунул два пальца в рот и свистнул. Только на днях научили его деревенские ребята так лихо свистеть!

И тут — как взовьётся на дыбы испуганная свистом Ласточка! Один из ремней оборвался, Ласточка бросилась боком из конюшни, Григорий едва успел её схватить под уздцы и всей тяжестью тела повис на недоуздке. Ласточка храпела, била ногами, косилась горящим чёрным глазом на остоленевшего от испуга Гришутку.

— Ну-ну, глупая! Ну, чего вообразила! Дуракамальчишки испугалась! — успокаивал её Григорий, ласково глядя ладонью по крутой шее. — Нервная! — с восхищением сказал он Сергею. — Да зато умница! Порядок знает. Мне и править ею не надо. Как вылетит со двора — да одним духом до фабрики. Влетит в фабричные ворота — я и вожжами не шевельну, — встанет сама перед дверью конторы как вкопанная!.. Отцепи-ко ремень, введу её в стойло.

Дядя Серёжа взял Ласточку под уздцы с другой стороны. Дрожа всем телом и раздувая ноздри, кобылица продолжала плясать, пока её вели в денник.

Гришутка, полуоткрыв рот, всё стоял на месте.

— А-а, ты ещё тут? — увидел его отец, выходя из конюшни. — Будешь мне лошадей пугать! Уши оборву, пострелёнок!

И он двинулся было на Гришутку, но тот увернулся и вмиг исчез за углом конюшни. Отцу, когда сердит, лучше под руку не попадаться! Где бы спрятаться? Да так, чтобы папка не нашёл, пока у него сердце не отойдёт. Домой идти нельзя...

Гришутка незаметно скользнул в приоткрытую дверь каретного сарая, залез под коляску и притаился. Поди-ко найди! Он свернулся калачиком на холодном шершавом полу и скоро задремал, а когда открыл глаза, было уже совсем темно.

Дрожа всем телом от озноба, он поднял голову и прислушался. Где-то близко раздавались шаги и совсем тихие голоса. Дверь скрипнула, приотворясь. Вошли двое и направились прямо к коляске. Гришутка весь сжался на полу — ни жив ни мёртв, — стараясь не дышать...

— Вот эта, — услышал он голос отца. — Поднять сиденье, под ним ящик. Туда и положим.

— Ловко придумал! — отвечал другой вошедший, и Гришутка узнал голос дяди Серёжи. — Только,

Гриша, смотри не попадись! А то и нас не выручишь, и сам в тюрьме насидишься.

Григорий усмехнулся.

— Чудной ты! Неужто хозяин в ящик под сиденьем полезет; на что ему? — он встал на подножку и поднял мягкое сиденье: — Клади!

Дядя Серёжа обошёл вокруг коляски, встал на другую подножку, и что-то очень тяжёлое стукнуло о дно ящика под сиденьем прямо над головой Гришутки. Звякнули рессоры.

— Вот и ладно. Дойдёт к вам в целости, а уж достать — ваше дело, — сказал отец, и оба вышли.

Фу, пронесло! Гришутка с облегчением вздохнул. Теперь его заедало любопытство. Что спрятали они под сиденьем?!

Гришутка осторожно вылез из-под коляски, встал на подножку и, натужась, приподнял сиденье. Сунул под него руку, и пальцы наткнулись на неотёсанную крышку деревянного ящика. Попробовал сдвинуть. Ого, какой тяжёлый, не поддаётся!

Он опустил сиденье и скрепя сердце побрёл домой. Нагорит от папки!.. Но дома всё обошлось без шума. Мать хлопотала у печки, отец не сказал ни слова. Лицо его было сурово и озабоченно. Забыл, видно, про Гришуткины уши!..

Утром, проснувшись, Гришутка натянул штанишки, поплескался у раковины и выбежал во двор.

Это был обширный, покрытый зелёной травкой так называемый «красный двор» помещичьей усадьбы. В глубине его стоял двухэтажный господский дом, а за ним виднелись деревья старинного парка. Кругом двора располагались «службы»: ледник, сараи, амбары, конюшня и избы, где жили работники усадьбы.

И, как всегда, в это утро у широкого парадного крыльца господского дома Гришутка увидел запряжённую в коляску Ласточку. На козлах сидел в нарядном кучерском кафтане отец с вожжами в руках и ожидал хозяина.

Мальчик знал: вот сейчас выйдет хозяин на крыльцо, за ним, позёвывая, выйдет хозяйка в широченном пёстром капоте; хозяин вскочит в коляску и сердито скажет: «А ну, пошёл!» Ласточка рванёт с места и, широко выбрасывая тонкие, стройные ноги, крупную рысью понесёт коляску в настежь раскрытые ворота в том конце двора. А хозяйка будет стоять на крыльце и махать вслед кружевным платочком. Сколько себя помнит, каждое утро наблюдал Гришутка эту картину.

Но сегодня всё вышло по-иному. Правда, хозяин с хозяйкой появились на крыльце, но хозяйка была одета, видно, в дальнюю дорогу и несла в руке саквояжик. Лицо её было хмуро и заплаканно. Вслед за ними вышел на крыльцо лакей с двумя чемоданами в руках.

Гришутка увидел, как папка с беспокойством оглянулся на крыльцо. А хозяин сошёл с лестницы и приблизился к кучеру.

— Сегодня на фабрику не еду,— резко сказал он.— Пусть прекратят забастовку. А не прекратят,— я им покажу, как бунтовать!.. Отвезёшь, Григорий, сейчас барыню в город к её мамаше...

Гришутка смотрел на отца. Лицо папки было спокойно, но чуть побледнело.

— А Ласточка? А коляска? — спросил кучер.

— Останешься пока в городе, будешь ждать. Как расправлюсь с бунтовщиками, дам тебе знать; привезёшь барыню обратно,— и, обернувшись к лакею, Рыжов приказал: — А ты, Василий, поставь пока чемоданы, беги наверх, мелкие вещи принеси. Положишь их в ящик под сиденьем.

Он не спеша вернулся на крыльцо и заговорил с хозяйкой.

Гришутка снова взглянул на отца, и вдруг ему стало страшно — он сам не понимал почему. Папка смотрел на него в упор и как-то странно одним глазом подмигивал ему, сложив губы дудочкой.

— Чего ты? — оторопело пробормотал Гришутка.

Намотав вожжи на левую руку и сдерживая ими Ласточку, Григорий соскочил на землю и стал возиться у сиденья коляски.

— Ишь ты, не приподнять никак, — с досадой сказал он хозяину, — забухло сиденье-то, видно!

Он повернул к сынишке бледное, как полотно, лицо и снова подмигнул ему и вытянул губы дудочкой.

И тут Гришутка вспомнил!.. Вспомнил всё, что было вчера! «Попадёшься — насидишься в тюрьме...» — словно услышал он голос дяди Серёжи. Ящик под сиденьем!.. А с лестницы уже бежал с вещами Василий.

Какой-то буйный восторг залил вдруг всё Гришуткино существо: он понял папку! И, сунув два пальца в рот, он свистнул так пронзительно, как ему ещё ни разу не удавалось свистнуть.

Ласточка дико рванулась с места.

— Стой!.. Стой!.. — закричал Григорий, падая.

Вожжи тащили, волокли его по дороге, но шага через три он выпустил их из рук, а сам остался лежать у ног остолбеневшего Гришутки.

Ласточка карьером вынеслась в раскрытые ворота.

На крыльце истошно вопила хозяйка, что-то кричал лакей Василий; Григорий с трудом поднимался с земли.

— Чего стоишь?! Бери Копчика, скачи, догоняй! — кричал ему хозяин.

Гришутка растерянно оглянулся: лакей Василий бежал к нему. Гришутка как зачарованный стоял на месте и смотрел на отца. Тот, сильно хромя, бежал к конюшне, и снова глаза отца и сына встретились. И на этот раз оба, не произнеся ни звука, поняли друг друга.

«Не выдавай!» — требовали глаза отца.

«Не выдам!» — ответили глаза сына.

Ласточка, обезумев от ужаса, вынеслась за ворота и помчалась карьером по дороге, вся в мыле, с раздувающимися ноздрями, с заложенными назад ушами. Но, не слыша за собой погони и нового свиста, она понемногу успокоилась и постепенно перешла с карьера на свою обычную размашистую рысь.

Ещё издали увидел её с вышки над забором фабричный сторож. Он сбежал вниз и широко распахнул ворота. И, когда Ласточка влетела во двор, он сразу же захлопнул их и запер на все засовы. Лошадь привычно остановилась у подъезда конторы. Изумлённые рабочие обступили коляску. Что это значит? Почему Ласточка прибежала одна?

Но теряться в догадках было некогда. Подошёл Сергей, поднял сиденье, достал небольшой, очень тяжёлый ящик и вскрыл его.

В ящике были патроны.

— Подходи по очереди, — скомандовал он. — Раздавать буду.

В эту минуту сторож крикнул с вышки:

— Григорий скачет вдогонку!

И перед Григорием гостеприимно распахнулись ворота — и снова наглухо закрылись. Григорий соскочил с Копчика, привязал его к коляске сзади и взобрался на кóзлы.

— Что же ответите хозяину, братцы? — спросил он, заворачивая Ласточку к воротам. — Требуется прекратить забастовку.

— А то и скажи ему, — наперебой заговорили рабочие. — Будем бастовать, покамест арестованных не выпустят... пока уволенных обратно не примет... Управляющего пусть к чёрту гонит!.. Штрафы пусть отменит!..

— Ясно, — сказал Григорий, — стало быть, вечером ждите казаков в гости.

— А милости просим!.. Сумеет встретить!..

Распахнулись ворота, Ласточка стрелой вылетела на дорогу; и снова загрели на воротах изнутри тяжёлые засовы.

Тем временем Гришутка стоял перед хозяином. Рыжов сидел на крыльце, держа Гришутку за плечи, и крепко сжимал своими коленями его тоненькие колени.

— Зачем свистнул, говори?! Или, может быть, научил кто, а? Говори, иначе несдобровать! — строго допрашивал хозяин.

Гришутка смотрел прямо в его холодные глаза. У, какой злой, страшный!.. Но всё равно — папку выдавать нельзя!

— Ребята... деревенские... свистеть научили, — робко пролепетал он.

— Да я не про то, дурак! Около Ласточки зачем свистнул? Подучил кто?

— Никто не подучил... я сам...

— А зачем?! Говори, зачем?

И вдруг, неожиданно для самого себя, Гришутка догадался, как сказать.

— А ни за чем... У меня всё не выходило... ребята учили, учили... я пробовал, пробовал, всё не выходит... а тут вдруг и вышло... я же не нарочно...

— Врёшь, не проведёшь! — заорал Рыжов. — Рабочие подучили, чтоб сегодня на фабрику не приехал! Называй, кто именно!

Но Гришутка твёрдо стоял на своём: не выходило, а тут вдруг вышло!.. Он весь дрожал, голова его кружилась всё сильнее, он говорил заикаясь, но сердце его ликовало: не догадывается хозяин! Не посадят папку в тюрьму!

— А ну-ко, пойдём! Заговоришь ты у меня! — и хозяин поволок Гришутку в дом.

Ухмыляющийся лакей Василий шёл за ними.

В гостиной полулежала в кресле хозяйка и стонала. Горничная Глаша растирала ей чем-то пахучим виски. Рыжов протащил мимо них Гришутку и втолкнул в свой кабинет.

— А ну, Василий, развяжи ему язык! — приказал он и вышел в гостиную.

— Скажешь, парнишка,— зашептал вкрадчиво и ласково на ухо Гришутке Василий,— пальцем тебя не трону и пряников дам. Вкусные у меня пряники! Ты мне только скажи: кто научил? Имя назови! Ну? Имя!

— Никто не подучил... Не выходило... а вдруг вышло,— упрямо твердил Гришутка.

— Ладно же! Небось сейчас заговоришь!

И не успел Гришутка опомниться, как его голова оказалась крепко зажатой между коленками Василия. В ушах зашумело, стало страшно — ведь дома его никогда не пороли... После первого же хлёсткого удара Гришутка громко заревел, не столько от боли, сколько от обиды.

— Ну,— жёстко сказал Василий, ещё туже сжав коленями голову Гришутке,— говори: кто подучил? Имя?

— Не... вы... ходило... а тут вышло...— захлёбываясь плачем, бормотал Гришутка.

— Ну, брат, не взыщи, придётся ещё наддать,— сказал Василий.

У Гришутки потемнело в глазах, но тут чьи-то сильные руки вырвали его у Василия.

— Не смей! У, изверг! Господский прихвостень! — услышал он над собой горячий шёпот горничной Глаши.— Не видишь, ребёнок чуть не без памяти! — она подхватила Гришутку на руки и быстро двинулась к другой двери из кабинета.— Пойдём, я тебя чёрным ходом к мамке снесу... У, ироды проклятые, погодите же!..

Это было последнее, что услышал Гришутка. Он и в самом деле потерял сознание.

Хозяйка ехать в город на «сумасшедшей» Ласточке отказалась. Её увезли на другой лошади.

А на Ласточке Григорий в тот же вечер повёз хозяина на фабрику. Рыжов ехал не один. Рядом с ним сидел в коляске казачий офицер. Его сотня скакала сзади на почтительном расстоянии.

Офицер говорил без умолку. Григорий не пропустил мимо ушей ни одного его слова.

А тот хвастался:

— Я, ваше степенство, с этими бунтовщиками в два счёта справлюсь, не впервой. Мои казаки — орлы! В нынешнем году, извольте знать, по всей губернии мужики бунтуют. Сколько усадеб пожгли! А не дале как вчера в соседней волости у фабриканта Птицына бой был.

— Что-о?! — испуганно переспросил Рыжов.

— Форменный бой! — расхохотался офицер.— Забастовали рабочие. Хозяин меня с сотней вызвал: усмирите! А те не сдаются! Забаррикадировались на фабрике! Пришлось штурмом фабрику брать! Да-с, штурмом! И что бы вы думали! Ружьишек-то у голодранцев нет: защищаться нечем. Так они, прежде чем сдаться, вдребезги фабрику разнесли!.. Ну уж и было им! Ни один не ушёл! И вашим то же будет!

— Гм... знаете ли, это... не очень меня устраивает... — пробормотал Рыжов и угрюмо замолчал.

— А что? Неужто бунтовщикам уступите? — любопытствовал офицер.

Рыжов не ответил. Он мучительно прикидывал в уме: как быть?.. Конечно, бунтовщиков постреляют, посадят в тюрьмы, выпорют... Ведь восстания в конце концов везде подавляются... Но усадьбы-то уже сгорели!.. Но Птицыну-то придётся фабрику заново оборудовать!..

А офицер всё продолжал хвастаться и убеждать Рыжова не уступать забастовщикам.

Подкатили к фабрике. Её дубовые ворота оказались на запоре. На вышке похаживал дежурный патруль — двое старых рабочих. Офицер, придерживая саблю, выскочил из коляски. За ним вышел и Рыжов. Григорий отъехал чуть в сторонку.

Офицер приказал сдаваться. За воротами раздался сдержанный гул и стих. Старики спокойно глядели с вышки.

— Хотите быть взятыми штурмом? — зло и весело крикнул офицер.

— Берите штурмом! — загудела толпа за воротами. — Терять нам нечего!.. Мы будем отстреливаться!..

Сзади с цокотом подоспела казачья сотня.

Рыжов схватил офицера за локоть.

— Ваше благородие, — зашептал он ему на ухо, — донесли мне верные люди: есть у них оружие, а патронов нет! Вы действуйте быстрее, чтоб не успели попортить станки! — и уж полным голосом Рыжов злорадно крикнул толпе: — Стреляйте, голубчики, стреляйте!

В ответ из-за ворот грянул ружейный залп.

Ласточка взвилась на дыбы, Григорий едва удержал её. Рыжов так и застыл с разинутым ртом.

— Приготовьтесь ломать ворота! — скомандовал офицер казакам.

Те стали соскакивать с коней.

— Стой! Погодите! Погодите! — в ужасе заорал Рыжов.

Он кинулся к воротам и прикрыл их широко расставленными руками. Он уже как бы увидел метнувшуюся к станкам беспощадную в своём гневе толпу... Есть у них патроны!.. Пока одни будут отстреливаться, другие успеют всё разнести!..

— Погодите! — исступлённо кричал Рыжов. — Не смейте! Не дам своего портить!..

Казаки были отосланы. Они ускакали вместе со своим разозлённым офицером. Рыжов согласился на уступки. Рабочие победили!

Когда Григорий вбежал в свою комнатку, его встретила заплаканная жена.

— Тише!.. Без памяти он... Горит весь...

Гришутка метался на койке и еле внятно бормотал:

— Не выходило... а тут вышло...

Григорий осторожно взял его на руки.

— Сынушка!.. Сыночек!..— шептал он, прижимая мальчика к груди.

Гришутка понемногу утих.

Утром он пришёл в себя и открыл глаза. Мать сидела рядом и шила. Отца в комнате не было. Гришутка долго не мог сообразить, что с ним. Сознание возвращалось медленно.

И постепенно Гришутка вспомнил всё.

— Мама! — позвал он тихо.

Мать вскрикнула от неожиданности да так и бросилась к нему.

— Очнулся! Дитятко! — всхлипывала она, обнимая сынишку.

— Мама!.. Где папка? Не в тюрьме?

— Господь с тобой, что ты,— испуганно прошептала мать.

— А где же он?

— Да повёз хозяина на фабрику.

Гришутка с облегчением вздохнул и сладко потянулся.

— Я спать хочу,— пробормотал он в полузабытьи.

— Ну и спи! Спи, поправляйся, родненький!

Мать бережно укутала его одеялом, и он заснул спокойным, здоровым сном.